

ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА «КУТУ/СЧАСТЬЕ» В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Н. Ю. Мальчакитова

INTERPRETATIONAL FIELD OF «KUTU/HAPPINESS» CONCEPT IN THE EVENK LANGUAGE

N. Yu. Malchakitova

В статье исследуется интерпретационное поле концепта «куту/счастье» в эвенкийском языке. Рассматривается вопрос отражения данного концепта в языке, в частности в фольклорных, в художественных и записанных от информантов текстах и паремиологическом фонде. Также раскрывается национально-специфическое содержание данного лингвокультурного концепта.

The paper addresses the interpretational field of “kutu/happiness” concept in the Evenk language. The paper focuses on the concept’s reflection in the language: in folklore texts, in texts recorded from native speakers, and in proverbs. The national specifics of the concept is revealed in the paper.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт, интерпретационное поле, куту, сиңкэн, ядро, периферия.

Keywords: linguistic culturology, concept, interpretational field, kutu, sinken, kernel, periphery.

Концепт определяется как основная единица национального менталитета, как специфическое отражение индивидуального и группового способа мировосприятия и миропонимания, задаваемого совокупностью познавательных и поведенческих стереотипов и установок. К определению данного понятия ученые подходят с разных аспектов: психолингвистического, лингвокультурного, когнитивного, философского. Так, В. Н. Телия считает, «концепт, – это всегда знание, структурированное во фрейм, а это значит, что он отражает не просто существенные признаки объекта, а все те, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности. Из этого следует, что концепт должен получить культурно-национальную «прописку» [8, с. 96]. Ю. С. Степанов определяет концепт, как сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, и, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычные человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [7, с. 40].

Вопрос о структуре концепта занимает важное место в концептологии. Одним из приемов выявления структуры концепта является анализ интерпретационного поля. Интерпретационное поле составляет периферию концепта. И как считает И. А. Стернин, на периферии содержания концепта находятся разнообразные определения, толкования, отраженные в паремиях, афоризмах, крылатых выражениях, притчах, а иногда и значительных по объему публицистических, художественных и научных текстах. Из этого арсенала в основном и выявляется интерпретационное поле концепта, в котором можно обнаружить весьма разнообразные смысловые признаки, скрытые от прямого наблюдения [6, с. 63]. В связи с этим для исследования содержания анализируемого концепта «куту/счастье» в эвенкийском языке мы обратились к пословицам, поговоркам, крылатым выражениям, текстам, записанным от информантов также к текстам художественной литературы.

Счастье – базовая категория человеческого бытия, которая содержит морально-этический и аксиологи-

ческий компоненты. Первый из них относится к высшему благу, он содержит в себе удовлетворенность человека своим бытием, полноту и осмысленность жизни, осуществление человеком своего назначения. Второй содержит в себе представление о том, какой должна быть жизнь человека, что для него является блаженством. Первый компонент представляет собой универсальное содержание, а второй может допускать разное наполнение, что зависит от субъективных факторов (например, групповых, индивидуальных).

В эвенкийском языке *счастье* обозначается, словом *куту*. Так, в эвенкийско-русском словаре *куту* – счастье, удача, благополучие. Отсюда, *кутуктура* – счастливый, *Токко-эникэн кутуктура бира* (Токкоматушка счастливая река); *кутучи* – счастливый, удачливый, благополучный [2, с. 322].

Кроме того, в эвенкийской языковой картине мира присутствует понятие охотничьего счастья *сиңкэн*. Так, согласно сравнительному словарю тунгусо-маньчжурских языков слово *сиңкэн* является общим тунгусо-маньчжурским и обозначает:

- 1) удача, счастье (на охоте);
- 2) успешная, удачная охота;
- 3) дух-покровитель охоты и диких зверей [5, с. 91].

Поэтому удачливого охотника называют *сиңкэчи бэе*. Эвенки говорят *сиңкэв* – «тьма осенней ночи», *сиңтыли* – «тишина тайги». Таким образом, счастье охотника связано с тайгой, тишиной, темной ночью. Для других случаев имеется слово *куту* (в говорах западных эвенков), *дёл* (в говорах восточных эвенков).

В ходе интерпретации устойчивых оборотов речи нами выявлены компоненты концепта «куту/счастье» в эвенкийском языке. Одним из элементов данного концепта является ‘родная земля’. О включенности компонента ‘родная земля’ свидетельствует следующее выражение эвенкийского писателя А. Немтушкина, смысл которого, на наш взгляд, не отличается от смысла этнического, народного:

Эси улэл этвар кэйкэчилчэл, Люди сейчас заблудились,

Сиңкэнмэ һуңтуду дуннэду еңилчэл, Счастье свое на чужой земле искали,

һитэсэлди, гунми, учивдыра, понапрасну на одном месте кружатся,

Энэл сарэ, балдыдыкту сиңкэн бодовдөрон!.. Не зная, что за родной землей счастье следует!.. [3, с. 187 – 88].

Следовательно, согласно мировоззрению эвенков, человек может быть счастлив только на родине. А на чужой земле счастья ему постигнуть невозможно. Значит, по представлениям эвенков, счастливый человек – это тот, который живет на родине. Вернуться к месту кочевий в свои стойбища для эвенков – настоящее счастье.

Анализ следующего отрывка стихотворения эвенкийского поэта Н. К. Оёгира «Дуннэду индеми со ая» (Хорошо живется на земле) выявил наличие компонента ‘олень (орон)’:

Сомама сэвдепчу кутучит индеми, Радостно, счастливо жить,

Дуннэцит никэндун сот маннит туңнэми. Когда

Оронми угучак эр миннун цэнэвки, Когда олень верховой рядом со мной идет

Со ая тар самңин саңнянман ичэми. Когда видишь дым костров [4, с. 184].

Значит, согласно данному отрывку, счастлив эвенк тогда, когда рядом с ним олень. На наш взгляд, такое осмысление концепта художественным сознанием эвенкийского поэта отражает осмысление концепта этническим сознанием. Такое понимание счастья, по-нашему, национально-специфично. Поэтому эвенки говорят: «*Орон тар ин, нуңан окин-да эвэнкиду бэлэдеңэн*» (дословно, олень – это жизнь, он хоть когда поможет эвенку); «Ачин орон одянан – эвэнкил манавудяңатын» [3, с. 115, 152]. Наличие выражений, утверждающих ценность оленя, связывающих оленя со счастьем, позволяет допустить, что эвенки не мыслили свое счастье без оленя. Действительно в условиях кочевого образа жизни в суровом климате олень служит и пищей, и транспортом, и одеждой.

Следующий компонент исследуемого концепта, который нам удалось выявить ‘охота’. Так, информант Васильева Светлана сообщает: «Сиңкэчи бэе аят бэюктэвки, аят бултавки. Сиңкэн ачин экунат-кат этанни бакара, бултара-кат. Сиңкэнэ ачин бэе экунада эпки эмувра дюла, уллэе ачин бидевки» (счастливый (удачливый человек в охоте) удачно охотится. Если охотничьего счастья нет, ничего не найдешь, не добудешь. Когда у человека нет охотничьего счастья, он ничего домой не приносит, без мяса живет.) (информант Васильева Светлана Владимировна, республика Саха (Якутия), Нерюнгринский район, п. Иенгра). Так, согласно мировоззрению эвенков, если нет сиңкэн, то и нет удачной охоты. Поэтому для того, чтобы быть счастливым, нужно иметь сиңкэн (охотничье счастье), которое может быть дано только свыше. И главное для эвенков, милость природы. В зависимости от того, как решит природа: если помилует, будешь счастлив, если нет, то наоборот. Поэтому для того, чтобы быть счастливым, нужно соблюдать правила, предписанные, по мнению эвенков, свыше.

Интерпретационный прием предполагает не только анализ оборотов речи, в которых содержится представление о том, что «наполняет» или содержит в себе концепт «куту/счастье», в чем оно заключается. Не

менее продуктивным приемом является прием исключения в ходе анализа рекомендаций о правилах поведения эвенков для сохранения своего счастья. Так, эвенки знают, что нужно делать, чтобы быть счастливым: *бэюңэ вами гирамналван дэлыкэндүлэ накэл, сиңкэн эмэдан* (добыв дикого оленя, кости обязательно сложи на *дэлыкэн* сооружение для хранения костей диких животных, чтобы охотничье счастье пришло); *элэкэс бултанэви гиркинунми бориткал, сиңкэн эмэдиңан* (Добыв зверя, обязательно поделись с друзьями, охотничье счастье придет). Значит, эвенки верили, что только бережное отношение к добыче может принести счастье. Если эвенк не будет следовать данному правилу, то счастье покинет его.

По мнению эвенков, счастье дается свыше. Так, в стихотворении А. Немтушкина «Хэвэки, си окин эмэдеңэс?» (Хэвэки, когда придешь?), герой обращается к доброму духу Хэвэки:

Сиңкэнэ илэлду налэтиви аливал. Счастье вручи людям:

Демудерилду – колобот бидэн, Голодающим – чтобы был хлеб,

Доңоточоду – гулунди окал, Замерзающим – костер разведи,

Уммудяриду – бират чоргидеден. Жаждающим – чтобы речка журчала [3, с. 209].

Понимание концепта эвенкийским литератором и коллективное осмысление, по-нашему, достаточно показывают осмысление анализируемого концепта в целом народным сознанием. Подтверждение тому, что счастье дается свыше, находим в выражении из фольклорного текста, записанного Г. И. Варламовой в пос. Эконда (Эвенкийский автономный округ) от П. А. Удыгира: *Угиски Маиндула еда эңнэни хиңкэлэрэ? Куңакан омиян? Вверх к Маин почему не обращаешься за счастьем? Душу-оми ребенка попросить?* [1, с. 177]. Значит, *Маин*, согласно данному выражению, дает счастье. Кроме того, в рождении ребенка заключается счастье. Таким образом, следующий компонент исследуемого концепта ‘дети’.

Народное сознание утверждает: *оллол гирамналватын аят наңнэкэл, орор эктын тукатчара: сиңкэн тыкулдяңан* ‘после еды кости рыб не бросай, аккуратно сложи, олени не должны их топтать: охотничье счастье (удача) рассердится, и рыба в твои сети не попадет’. Это выражение содержит рекомендацию, как правильно обращаться с останками добычи: не топтать, не бросать. Рекомендации правильного поведения в эвенкийском сообществе содержит и следующий оборот: *асаткан пэқтыравунмэ эвки даварира, бэюмимнидук сиңкэн сурудеңан* ‘девочка не должна трогать ружье, а то она унесет охотничье счастье’. В качестве комментария к данной поговорке отметим, что в удаче на охоте большое значение приписывалось поведению женщин, оставшихся дома. Так, женщине нельзя было трогать мужские средства охоты, т. к. может уйти охотничье счастье. Также в качестве рекомендации может выступать следующая поговорка: *мавут оёлин эңки гиркура – этэн дыаңнара, куту сурудеңан* ‘через аркан не переступай – он не будет ловить, уйдет счастье’. Данное выражение подчеркивает, значимость оленя в жизни эвенка. Кроме того, белый олень считается священным. Его

берегут, за ним ухаживают, он является символом счастья.

В складывании менталитета главная роль принадлежит лингвокультурным концептам. В западной культуре любовь (а также любовь/страсть) является важным компонентом концепта «счастье». Эвенкийская лингвокультура отличается от русской культуры, включая западную. Так, анализ паремий в эвенкийском языке не дает основания для включения компонента 'любовь' в содержание концепта «куту/счастье». Так нами не найдены устойчивые обороты, показывающие, что чувства между мужчиной и женщиной составляют «эвенкийское счастье». Это, на наш взгляд, особенность отражения концепта «куту/счастье» в языковой картине мира эвенков. Это один из показателей ограниченности лексико-семантического поля концепта «любовь» в эвенкийском языке. В эмоциональной сфере традиционных эвенков любовь, эквивалентная страсти, отсутствует. Самообладание – одна из главных черт, составляющих основу эвенкийского этикета. Если человек в сложной ситуации начинает выражать гнев или в счастливые моменты своей жизни бурно радуется, то на него смотрят как на недостойного. Чрезмерное прояв-

ление эмоций не приветствуется окружающими и доставляет им беспокойство. В эвенкийской традиционной культуре не следует говорить о сокровенном, открыто говорить о личных чувствах, признаваться в любви, это считается неприличным. Это табу в эвенкийской культуре. Возможно, поэтому этот главный в западной культуре компонент концепта «счастье» отсутствует в пословицах, поговорках, фразеологизмах, таких фрагментах языка, где представлена этническая картина мира. Таким образом, счастье в эвенкийской национальной традиции предстает как категория, данная свыше. Важную роль в формировании представлений о счастье в эвенкийской культуре сыграли анимистические воззрения эвенков. Также немаловажное значение сыграл кочевой образ жизни, в условиях которого формировалось сознание эвенка. Все, что окружало эвенка с самого рождения – это природа, от которой зависело его существование. Поэтому все неудачи, горести или наоборот успех, благополучие, счастье он связывал с волей природы. Олицетворение, одушевление и персонификация природы – то, что еще называется анимистическим мировоззрением, – ключевая составляющая традиционного мировоззрения эвенков.

Литература

1. Варламова, Г. И. (Кэптукэ). Мировоззрение эвенков: отражение в фольклоре / Г. И. Варламова (Кэптукэ). – Новосибирск: Наука, 2004. – 185 с.
2. Мыреева, А. Н. Эвенкийско-русский словарь (Эвэды-лучады турэрук) / А. Н. Мыреева. – Новосибирск, 2004.
3. Немтушкин, Алитет. Родная тайга: повесть и стихотворения на эвенк. яз.: для сред. и ст. шк. возраста / А. Немтушкин / худож. Л. А. Сергеев. – СПб.: Просвещение, 1992. – 224 с.
4. Оёгир, Н. К. Гулувун дегдэдерэн... Чтоб не гас костер... Сказки, стихи / Н. К. Оёгир. – Красноярск: Сибирские промыслы, 2006 – 352 с.
5. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. – Т. 1, 2 / отв. ред. В. И. Цинциус. – Л., 1977.
6. Стернин, И. А. Методика исследования структуры концепта / И. А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр.; под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001.
7. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М.: Школа «языки русской культуры», 1997. – 824 с.
8. Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М., 1996.
9. Юктэ: эвенкийские загадки, пословицы, поговорки, приметы / сост. Е. Ф. Афанасьева. – 2-е изд., доп. – Улан-Удэ: Бэлиг, 2005. – 88 с.

Информация об авторе:

Мальчакитова Наталья Юрьевна – аспирант кафедры языков коренных народов Сибири Национально-гуманитарного института Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, maltak84@mail.ru.

Natalia Yu. Malchakitova – post-graduate student at the Department of Native Languages of Siberian, Buryat State University.